

к такой генеалогии: (начало второй половины XIII в.) Толковый Апokalипсис, Хрснограф, Летописец, Соборьник + (XV в.) Пчела = (начало XVI в.) Архивский список.

Где же в XIII в. была составлена основа протографа Архивского списка, затем — протограф последнего и самый список? Судя по цитате Хроографа о Совии и литовских последсателях его ереси, а также судя по интересу к Латынам, обнаруживающемуся в дополнениях Повести временных лет „Летописца русских царей“ и в первых трех главах „Соборьника“, при возможном отождествлении „Соборьника“ с книгой того же наименования, принадлежавшей Волинскому князю XIII в., и при существовании найденного в Перемышле юго-западного списка Изборника 1073 г. (XV в.) и юго-западного же сборника полемических статей против Латинян (XV в., — можно бы местом составления основы протографа Архивского списка считать Галицко-Волинскую область. Но не может ли противоречить такому заключению присутствие в этой основе „Летописца“, во второй части которого явные следы летописи Переяславле-Залесского? Несомненно, что в „Летописце“, хотя почти и не касающемся событий Галича и Волыни, вся Повесть временных лет, сходная притом не столько с Повестью по Лаврентьевскому списку,¹ сколько с Ипатьевской,² проредактирована на юго-западе; это явствует не только из исключительного знакомства с литовской этнографией и из недоброжелательной оценки хорошо известных западно-европейских обычаев, выраженных словами частью ино-славянского происхождения и западно-русского употребления („зарекногаша“, „с прилики“, „кошули“, „вятизей“, Об. 3), но и из пользования такими словами, как: „конокръци“ (Об. 2) — ср. „конокормство“ в грамоте Витовта („Мат. слов.“ И. И. Срезневского), „пустоваль“ (907 г., в м. Лавр. и Ипат. „воевал“, Об. 9), „приставлены къ скарбу“ (945 г., Об. 11), „Исмудъ, дядко его“ (т. е. Святослава, 946 г., Об. 12), „Добрыню, дядка своего“ (980 г., Об. 17) — ср. Димитрий Дядко „староста земли Русской“, т. е. кормилец или пестун княжеский — со 2-й четверти XIII в. — в Галицко-Волинской области;³ „черезик“ (993 г., Об. 32), „опрѣсноки сиречь оплатки“ (986 г., Об. 19), „събуруа“ (993 г., Об. 33), „господарю“ (6545 г., т. е. 6523—1015 г., о св. кн. Борисе, Об. 35), „а гривна по пятидесять грошь“ (Об. 42), „счюваль“ (Об. 44), „с под кожа“ (1070 г., Об. 47), „любяще (св. Феодосий Печ.) некоего местича, имеємъ Ява“ (1091 г., Об. 50) и др. (между прочим под 8(2 г. дважды „Труберъ“ в м. „Труворъ“, ср. у Длугоша дважды Trubor).⁴ Эти украинско-белорусские слова встречаются здесь, таким образом, в древне-киевских рассказах Начальной летописи — об исконных данниках русских племен, о походе Олега на Греков, о мести Ольги, о единоборстве юноши, переевшего славу, о Святославе, Владимире св., Борисе и Глебе, Ярославских волжах, Феодосии Печерском. Но следы той же юго-западной лексики видны, хотя и не в такой же мере, и в дальнейшей хронологически летописи, не исключая части собственно Переяславле-Залесской, звтор которой

¹ С. А. Белоуров, Русские летописи, стр. VI.

² В заглавии Повести у автора „Летописца русских царей“, очевидно, было имя Нестора, так как в статье о начале Печерского монастыря к словам: „вън же (т. е. в Киево-Печ монастырь) и азъ придохъ“, на поле тою же рукою приписано: „Нестер“. Сравним „Нестера черноризца“ в заглавии Хлебниковского списка. Может быть, сходство в огласовке этого имени должно послужить исходной точкой исследования, не легла ли в основание Повести временных лет „Летописца русских царей“ Повесть типа Хлебниковской. Цитату о приходе летописателя в К.-П. монастырь В. С. Иконников привел неверно (Опыт русск. историогр., II, 1, стр. 417, прим. 1).

³ См. „Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси“, 1907 г., по указателю.

⁴ К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей, Прилож., стр. 68 и 69.